

Корыстная цель в специальных видах хищения

О. А. Брашнина

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются вопросы применения корыстной цели в качестве криминообразующего признака в специальных видах хищения, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 221, 226, 229 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Анализируются термины «мотив» и «цель» в рамках уголовного права, а также их соотношение и правильность применения понятия «хищения», которое дано в примечании к ст. 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Рассмотрены точки зрения ученых относительно того, являются ли понятия «корыстный мотив» и «корыстная цель» тождественными, является ли корыстная цель квалифицирующим признаком субъективной стороны для признания совершенного деяния хищением. Сделан вывод о том, что действующее уголовное законодательство нуждается в изменении примечания 1 к ст. 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации. По мнению автора, необходимо изложить данное примечание в новой редакции и исключить указание на корыстную цель. Мотивы хищения не являются его криминообразующим признаком, в связи с чем не должны включаться в законодательное определение хищения.

Ключевые слова

мотив, цель, корыстная цель, субъективная сторона, хищение, криминообразующий признак

Для цитирования

Брашнина О. А. Корыстная цель в специальных видах хищения // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 4. С. 56–61. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-4-56-61

Selfish Purpose in Special Types of Theft

O. A. Brashnina

*Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the use of self-serving goals as a crime-forming feature of theft of special items, criminal liability for which is provided for in articles 221, 226, 229 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the terms “motive” and “purpose” in the framework of criminal law, as well as their relationship and the correct application of the concept of “theft”, which is given in the note to article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors consider the points of view of scientists as to whether the concepts “self-serving motive” and “self-serving purpose” are identical or not, and whether self-serving purpose is a qualifying feature of the subjective side for recognizing the committed act as theft. It is concluded that the current criminal legislation needs to be changed in note 1 to article 158 of the Criminal code of the Russian Federation. According to the author, it is necessary to present this note in a new version and exclude the reference to a mercenary purpose. The motives of theft are not its criminalizing feature, and therefore should not be included in the legislative definition of theft.

Keywords

motive, goal, self-serving goal, subjective side, theft, crime-forming feature

For citation

Brashnina O. A. Selfish Purpose in Special Types of Theft. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 4, p. 56–61. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-4-56-61

В теории уголовного права долгое время ведется спор, касающийся соотношения понятий «корыстный мотив» и «корыстная цель» применительно к различным видам хищения, неоднократно предпринимались попытки (неудачные) разделить их.

В правоприменительной практике также нередко допускаются ошибки при толковании мотива и цели. Вопрос прежде всего заключается в толковании корысти как обязательного признака любой формы хищения. Нужно отметить, что корыстная цель и ее толкование подвергается критике применительно даже к преступлениям против собственности, не говоря уже о специальных видах хищения. В частности, при квалификации хищения чужого имущества возникает вопрос, если похищенное имущество преступник передает другим лицам, не связанным с ним никакими отношениями, не получая от этого выгоды, будет ли в этом случае присутствовать корысть.

Определение высшим судебным органом корыстной цели как признака хищения существенно расширила пределы действия норм об ответственности за соответствующие преступления против собственности. Согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен».

Корыстную цель традиционно рассматривают в узком и широком понимании. Широкий подход к определению корыстной цели отражается в понятии хищения, содержащемся в примечании к ст. 158 УК РФ. Так, в примечании к ст. 158 УК РФ закреплено: «Под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»¹. Ряд авторов наиболее узко трактует корыстную цель при хищении как стремление личного обогащения виновного.

В науке уголовного права имеется несколько различных точек зрения. Например, А. А. Пинаев считает, что «цель» и «мотив» в данном случае являются тождественными понятиями [1. С. 181]. Другие же ученые, например В. В. Хилjuta [2. С. 158], с точкой зрения которых мы солидарны, считают, что «цель» и «мотив» – это категории хоть и близкие, но не совпадающие по содержанию, их нельзя отождествлять.

Для более полного понимания термина «корысть» следует обратиться к толковым словарям С. И. Ожегова и В. Даля. Так, С. И. Ожегов определяет, что корысть – это выгода, материальная польза [3. С. 545]. В. Даль под корыстью понимал страсть к приобретению, поживе, жадность к деньгам, богатству [4. С. 428]. Исходя из этого можно сделать вывод, что корысть – желание человека, направленное на получение какой-либо выгоды сверх меры для себя или своих близких.

Стоит также отметить, что И. Я. Фойницкий, который высказывался против «корыстной цели» как признака хищения, считал, что хищение, совершенное с любой целью и мотивами, остается хищением и является неопровержимым фактом [5. С. 64]. Но мотивы и цели лица, совершившего такое деяние, могут иметь огромное значение для определения судом степени виновности лица и характера общественной опасности.

Таким образом, применительно к соотношению понятий «мотив» и «цель» корысть характеризует сферу внутренних побуждений человека, на основе которых формируется цель или воображаемый результат действий лица, который хочет достигнуть субъект преступления.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : [в ред. от 7 апр. 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 10.05.2020).

Исходя из этого справедливым будет утверждение, что мотив совершения преступления появляется раньше, чем формируется цель. Стоит полностью согласиться с мнением В. В. Хилюты, что корыстные мотивы должны предопределять наличие корыстной цели, а не корыстные мотивы должны исключать квалификацию совершаемых деяний как хищения чужого имущества.

В этой связи представляется нелогичным использование законодателем в тексте закона словосочетания «корыстная цель» не только с точки зрения содержания данного определения, но и с точки зрения теории уголовного права, поскольку, как было сказано выше, цель является тем результатом, к которому стремится субъект преступления. А в данном случае нет никакого указания на такой результат, и такая (корыстная) цель не содержит в себе никакого смысла. Поскольку цель является криминообразующим признаком, то она должна быть максимально конкретна.

Термин «корысть» не раскрывает содержания цели хищения, а только характеризует один из признаков этой цели, точно так же, как и характеризует мотивы, побуждающие лицо совершить хищение имущества. Кроме того, корысть присуща не только хищениям, вследствие чего употребляемый сегодня термин «корыстная цель» не может служить четким основанием отграничения хищений от иных преступлений. По мнению В. И. Плоховой, признаки цели в хищениях опосредованно закреплены в действиях и последствиях, поэтому на корыстную цель нет смысла вообще указывать в Уголовном кодексе, тем более в таком неоднозначно определяемом термине, как «корысть» [6. С. 56]. Тем не менее у любого хищения есть и должна быть конкретная цель.

На наш взгляд, следует рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ прокомментировать само понятие «корыстная цель».

Нет единства в понимании корыстной цели применительно и к специальным видам хищения. Примечание 1 к ст. 158 УК распространяет определение хищения на весь УК. Однако в том, что корыстная цель является неотъемлемым признаком специальных видов хищений, есть поводы усомниться. Корысть не всегда присуща хищению специальных предметов. Помимо корыстной цели при совершении хищения специального вида могут присутствовать и иные цели. Например, при хищении ядерных материалов – создание ядерного оружия, при хищении оружия – совершение иного преступления с его использованием, при хищении наркотических средств – введение иного лица в беспомощное состояние и т. д. Отсюда следует, что в качестве признака хищения специального вида не следует указывать на корыстную цель, поскольку может иметь место и иная личная заинтересованность в изъятии и (или) обращении данных предметов.

Если корысть не является признаком, присутствующим в 100 % случаев хищения наркотических средств или психотропных веществ, то ее нельзя включать в понятие и круг обязательных признаков хищения данных предметов. Корысть присутствует лишь в тех случаях, когда лицо, похищающее ядерные материалы и радиоактивные вещества, оружие, наркотические средства или психотропные вещества, желает освободиться от обязанности нести расходы, связанные с их приобретением. С точки зрения субъективных признаков хищения его цель должна указывать на то, что хищение направлено на обогащение виновного или иных лиц за счет физического обладания имуществом. Все специальные виды хищений характеризуются только виной в форме прямого умысла. Впрочем, сама природа хищения исключает возможность его совершения с косвенным умыслом или по неосторожности.

Проанализируем эту проблему более подробно. Например, согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», «уничтожение, оставление на месте преступления или возвращение назад похищенного оружия после его использования для совершения других противоправных действий либо в иных целях не является основанием для освобождения лица от ответственности за хищение оружия».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что возвращение назад похищенного оружия после его использования, т. е., по сути, временное использование оружия, также охватывается понятием «хищение». Между тем отношение законодателя к временному заимствованию четко выражено в ст. 166 УК РФ при угоне автомобиля или иного транспортного средства, являющемся временным заимствованием, корыстная цель явно отсутствует, и это не дает основания для квалификации такого угона по статьям УК, предусматривающим ответственность за хищения. Очевидно, что мнение Пленума и законодательная позиция разнятся в части отношения к корыстной цели.

Неодинаковое отношение Верховного Суда РФ к корыстной цели можно наблюдать и при сравнении положений, содержащихся в постановлении Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 и постановлении Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. В первом из названных документов в числе обязательных для установления признаков хищения не называется корыстная цель, что свидетельствует о более узком смысле, заложенном в понятии хищения.

Из изученных нами приговоров можно сделать вывод, что лишь 63 % преступлений, предусмотренных ст. 221, 226, 229 УК РФ, совершались с четко определенной и выраженной корыстной целью. К таким же выводам пришел В. А. Робак, на основании анализа приговоров: порядка 35–40 % хищений оружия осуществляется с некорыстной целью (использование при совершении преступления, уничтожение или повреждение указанных предметов, низменные побуждения) [7. С. 65].

Так, А. П. Гудков в своей статье ссылается на апелляционную жалобу лица, привлеченного к уголовной ответственности по ст. 226 УК РФ. В данной жалобе осужденный ссылается на то, что у него не имелось корыстной цели, а ружье и патроны были похищены только с целью самообороны, но за ненадобностью были выброшены. По мнению суда, данное обстоятельство не отменяет того факта, что осужденный имел своей целью распорядится данным имуществом как своим собственным, и потому это является хищением. Мы, так же как и А. П. Гудков, с данной позицией не согласны, поскольку у лица имеется только корыстный мотив, но не цель [8. С. 159].

Примером некорыстного мотива может служить деяние, совершенное И. Будучи военнослужащим, И., осуществляя охрану установок для поднятия мишеней на полигоне п. Сертолово-2 Всеволожского р-на Ленинградской обл., обнаружил 30-мм выстрел «ВОГ-17М» к автоматическому станковому гранатомету АГС-17, являющийся боеприпасом, который присвоил и спрятал в лесном массиве недалеко от территории части. В судебном заседании подсудимый виновным себя в содеянном признал полностью и пояснил, что выстрел к гранатомету решил присвоить в качестве сувенира на память о военной службе².

Преступление, предусмотренное ст. 229 УК РФ, также характеризуется разнообразными мотивами. Подавляющее большинство хищений наркотических средств или психотропных веществ совершается по корыстным мотивам, когда виновный, совершая преступление, стремится извлечь материальную выгоду. Некоторые исследователи считают, что при совершении данного преступления лицо не всегда руководствуется корыстными побуждениями. Часто на формирование умысла влияет пагубное пристрастие к немедицинскому потреблению наркотических средств или психотропных веществ, страх абстиненции, постоянная потребность в наркотиках, жалость, сострадание к другому лицу, больному наркоманией и т. д. Именно эти факторы определяют поведение виновного, побуждают его к завладению наркотическими или психотропными препаратами для последующего приведения организма в эйфорическое состояние. В этих случаях корыстный мотив, по нашему мнению, отсутствует, но признаки данного состава преступления налицо, поскольку норма, закрепленная в ст. 229 УК, является специальной по отношению к нормам, предусмотренным ст. 158–163 УК РФ, которые описывают именно корыстные преступления.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что корыстная мотивация не является доминирующей при совершении специальных видов хищения. Таким образом, можно утверждать,

² Уголовное дело № 1-104-08 // Архив Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда за 2008 г.

что исследование мотивов рассматриваемых преступлений не подтверждает моновариантности корыстной цели.

По нашему мнению, обязательность установления корыстной цели в качестве признака специальных видов хищений не подтверждается и характером общественной опасности данных преступлений. В большей степени опасен не экономический ущерб, причиняемый ими, а сам факт завладения предметами специальных видов хищения и потенциальная возможность причинения ими дальнейшего ущерба общественным отношениям. Таким образом, полагаем, что указание на корыстную цель из определения специальных видов хищений следует исключить.

Иными словами, если в совершенном лицом деянии будет отсутствовать обязательный признак в виде корыстной цели, который предусмотрен действующим уголовным законом, то это не позволит считать таковое деяние хищением. Данное обстоятельство, на наш взгляд, служит еще одним аргументом в пользу отказа от признания корыстной цели криминообразующим признаком хищения.

Ю. Ю. Уланова в диссертационном исследовании «Общие признаки хищения в составе кражи» обосновывает, что хищения ядерных материалов, оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств и др. могут быть совершены как с корыстной, так и с другими целями: террористическими, диверсионными, хулиганскими. В связи с этим предлагает уточнить примечание к ст. 158 УК РФ, указав, что содержащееся в нем понятие хищения относится только к преступлениям, указанным в главе 21 УК РФ [10. С. 24].

Выделение корыстной цели при хищении, ответственность за которые предусмотрены в ст. 221, 226, 229 УК РФ, по нашему мнению, является крайне нецелесообразным, поскольку безосновательно сужает применение данной нормы.

Таким образом, существующая концепция корыстной цели для ее отождествления должна принципиально исходить из того, что: а) корыстный мотив предопределяет наличие корыстной цели; б) некорыстные мотивы совершения преступлений должны исключать квалификацию деяний как хищение [2. С. 149].

Иными словами, если в совершенном лицом деянии будет отсутствовать обязательный признак в виде корыстной цели, который предусмотрен действующим уголовным законом, то это не позволит считать таковое деяние хищением. Данное обстоятельство, на наш взгляд, служит еще одним аргументом в пользу отказа от признания корыстной цели криминообразующим признаком хищения.

Подводя итог, стоит сказать о том, что целью любого хищения должна быть цель присвоения краденого имущества, улучшение материального положения самого виновного лица или же третьих лиц, поскольку именно для этого лицо и совершает хищение того или иного имущества. Также, на наш взгляд, было бы логичным и правильным изменить формулировку примечания к ст. 158 и изложить его в следующей редакции: под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются *«противоправное изъятие у собственника или иного их владельца (как законного, так и незаконного) предмета преступления и (или) обращение его в пользу виновного или других лиц с намерением распорядиться им как своим собственным»*.

Список литературы

1. Пинаев А. А. Проблемы дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства об ответственности за хищение: Дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1983. 133 с.
2. Хилота В. В. Корысть как извлечение имущественной выгоды в составе хищения // Государство и право: вопросы теории и практики. 2014. № 4 С. 145–150.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2015. 944 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2018. 736 с.

5. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. М., 1916. 443 с.
6. **Плохова В. И.** Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003.
7. **Робак В. А.** Вопросы квалификации хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 62–66.
8. **Гудков А. П.** Корыстная цель как признак хищения в уголовном праве России: спорные вопросы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 157–160.
9. **Уланова Ю. Ю.** Общие признаки хищения в составе кражи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.

References

1. **Pinaev A. A.** Problems of further improvement of the Soviet criminal legislation on responsibility for embezzlement. Dis. ... Doctor of Legal Sciences. Kharkov, 1983, 133 p. (in Russ.)
2. **Khilyuta V. V.** Avarice as the extraction of property benefits as part of theft. *State and law: issues of theory and practice*, 2014, no. 4, p. 145–150. (in Russ.)
3. **Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, ITI Tekhnologii, 2015, 944 p. (in Russ.)
4. **Dal V. I.** Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, AST, 2018, 736 p. (in Russ.)
5. **Foynitsky I. Ya.** Course of criminal law. The part is special. Personal and property encroachments. Moscow, 1916, 443 p. (in Russ.)
6. **Plokhova V. I.** Non-Violent crimes against property: criminological and legal justification. St. Petersburg, 2003. (in Russ.)
7. **Robak V. A.** Questions of qualification of theft and extortion of weapons, ammunition, explosives and explosive devices. *Legal policy and legal life*, 2018, no. 4, p. 62–66. (in Russ.)
8. **Gudkov A. P.** Self-interest as a sign of theft in the criminal law of Russia: controversial issues of theory and practice. *Problems of Economics and Legal Practice*, 2017, no. 5, p. 157–160. (in Russ.)
9. **Ulanova Yu. Yu.** General signs of theft as part of theft. Abstract dis. ... Cand. Jurid. Sci. Moscow, 2011, 26 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
09.06.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Брашнина Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия)

Oksana A. Brashnina, Senior Lecturer, Department of criminal law and procedure, Siberian Institute of Management – Branch of Ranepa (Novosibirsk, Russian Federation)

oksanaru@yandex.ru